

12 КРУГОЗОР 70

конкурс «шесть тридцать»

Повсюду проводят конкурсы на лучший любительский кинофильм, фотографию, рассказ, песню... Но не было, пожалуй, конкурса на лучшую пластинку, сделанную любителями. Между тем сегодня у многих есть магнитофоны, во всех крупных городах есть студии звукозаписи. «Кругозор» объявляет конкурс любительских пластинок. Что может быть на такой пластинке? Все, что интересно и важно послушать каждому. Звуковой репортаж, запись рассказа бывшего человека, песни, маленький концерт друзей, красивые голоса... Наконец, могут быть редкие записи из вашей домашней фонотеки. Отправляя пленку, не забудьте указать скорость, на которой сделана запись. Время звучания пластинок не больше чем 6 минут 30 секунд. Лучшие любительские записи станут звуковыми страницами «Кругозора».

С НОВЫМ, 1971 ГОДОМ!

РЕПОРТАЖ ИЗ СВЕРХЗВУКА

Высота — 16500 метров.
Наш микрофон
у инженера-испытателя
«ТУ-144»
Владимира Бендерова.

ЗАДАНИЕ:
«...На высоте
16 700 метров
выполнить разгон
до пр. 905 км/час.
(M = 2,00)»...

ОТЧЕТ
о выполнении
задания:
Задание
выполнено.
Из полетного
листа № 423
экипажа самолета
«ТУ-144».

Истинная
скорость полета —
2 160 км/час.

Ему два года. Ровно два года назад самый молодой из туполевских самолетов впервые повстречался с небом. Был сырым и холодным тот день. Но все же пригодным для летной работы. Погоду испытатели «выпрашивали» у синоптиков больше недели. А ее, как назло, не было. Люди ждали, собирались по утрам у ангара. Внешне экспериментальный самолет напоминал большую задумчивую птицу. Голова с остро отточенным клювом, тонкое, плавно изогнутое крыло; сходство нарушает лишь огромный киль на спине. Оранжевый тягач выводил машину на летное поле. Опустив голову, она покорно двигалась за ним, будто всматривалась в бетонку, с которой начинался путь в небо. Ревели четыре мощных мотора. «ТУ-144», как спортсмен на разминке, совершал пробеги и подлеты.

И вот свершилось. Первый полет. Весть о нем пронеслась по газетным полосам разных стран в предновогодний вечер: «Сверхзвуковой лайнер России опережает западных соперников... Россия проводит воздушные испытания раньше «Конкорда»... Преимущество за Советским Союзом!»

Прошло два года. Теперь первый сверхзвуковой пассажирский самолет умеет многое. Командир корабля заслуженный летчик-испытатель Эдуард Елян, второй пилот Герой Советского Союза Михаил Козлов, ведущий инженер-испытатель Владимир Бендеров и бортинженер Юрий Селеверстов обучили «ТУ-144» летать над погодой, на высотах, где нет ни гроз, ни болтанок, ни облаков. Четверка испытателей вывела самолет за звуковой барьер, а затем на заданную конструкторами крейсерскую скорость, в два раза превышающую скорость звука.

Чтобы возить пассажиров со скоростью в две с половиной тысячи километров в час, возить

с комфортом и полной гарантией, конструкторам пришлось решить много инженерных и научных задач. Им помогли металлурги, химики, приборостроители. Для «ТУ-144» создавались высокопрочные алюминиевые сплавы, новейшее электронное оборудование, специальные установки для охлаждения самолета.

— На сверхзвуке, — говорит Эдуард Елян, — на наружной обшивке самолета можно жарить шашлык. Она нагревается до 130 градусов. А в салонах температура нормальная, комнатная.

На проектирование новой машины и постройку первых образцов ушло почти пять лет. Казалось бы, чего проще, ведь дороги сверхзвука хорошо разведаны: их накатали военные летчики, которые летают на этих немислимых скоростях уже не один год. Но конструкторы отказались от соблазна строить первый пассажирский сверхзвуковой на базе боевой машины. Их соображения были простыми и вескими: Аэрофлоту нужна быстроходная машина, в которой могли бы летать не специально тренированные летчики-профессионалы, а обычные пассажиры.

Туполеовцы создавали принципиально новый воздушный корабль-«бесхвостку» с треугольным крылом двойной стреловидности. Такие крылья принято называть «оживальными». На малых дозвуковых скоростях они работают, как обычные прямые. По мере разгона на разных режимах полета постепенно оживают его аэродинамические качества. На больших скоростях крыло действует, как сверхзвуковое треугольное.

Расчеты конструкторов оправдались: самолет, как говорят специалисты, удался. Внутри он такой же, как его предшественники. Сейчас часть кресел снята. На их месте экспериментальная

аппаратура. Обилие ее поражает. Самолет напоминает летающую лабораторию. В каждом полете приборы фиксируют две тысячи показателей.

...Через 20 минут очередной взлет. К трапу мягко подкатил «рафин». На борт поднимаются Бендеров, Козлов, Елян, Селеверстов — все в высотных доспехах, в гермошлемах. Пока они устраиваются на своих рабочих местах, замечаю, что у каждого над головой люк, что в креслах катапультные устройства.

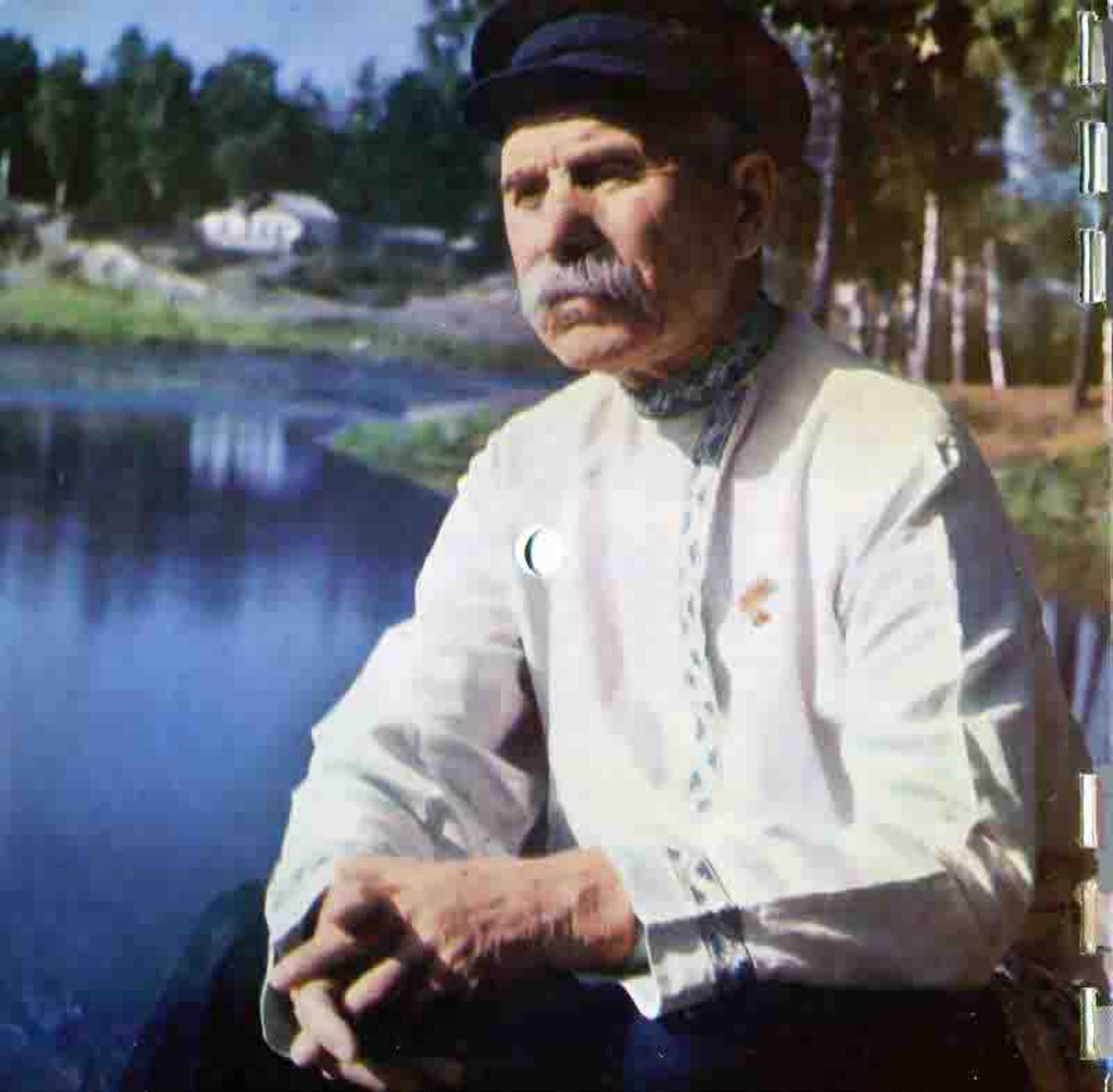
— Это так, перестраховка. На всякий случай, — улыбается Бендеров. — Только на время испытаний. Пилоты Аэрофлота будут летать, как всегда, — в отутюженных костюмах.

Ведущий инженер-испытатель рассказал мне, что все жизненно важные системы самолета не только продублированы, но и четырехкратно резервированы. Так что два отказа не в счет. В соседнем отсеке электронный мозг «ТУ» — вычислительная машина. Почти весь полет идет автоматически. И еще одна любопытная деталь: стоимость электронного оборудования на «ТУ-144» составляет почти половину стоимости всего самолета.

...В полет меня так и не взяли. Журналистов пока на борт не берут. Выручил меня Владимир Николаевич Бендеров. Он взял с собой магнитофон и по ходу дела комментировал полет. Мне оставалось поспевать вести репортаж с земли.

Владимир МИХАЙЛЕНКО,
специальный корреспондент
«Кругозора»

После непытавшегося полета
Фото Л. Поликашина

ГОДЫ-ПТИЦЫ, ГОДЫ-МАСТРА

Ивану Михайловичу Звереву семьдесят шесть лет. Руки у него большие, крепкие, испещренные синими пульсирующими жилками. Верстак, тиски, молоток, зубило, напильник... Они для него — словно перо и бумага для поэта, полотно и кисть для художника, сцена для артиста.

Природа наделила Ивана Михайловича талантом слесаря. Потомственный русский рабочий, в своем деле был он и поэтом, и художником, и артистом. Люди уважали мастера. ...Привычно подходил к верстаку и уже не замечал, как идет время. Но время шло; будто птицы, летели трудовые годы. И все так же, унося по течению детские кораблики, текла на окраине его родного

города река Талка. Не река даже, а речка, речушка. Много таких в России. Словно рука прожилками, усеяна ими, синими, наша земля.

Но у Талки—судьба особая. В девятьсот пятом была она свидетельницей события, прогремевшего на весь мир, когда над нею и над всей округой полыхнуло знамя первого в России Совета рабочих депутатов.

Владимир Ильич Ленин писал тогда: «Иваново-Вознесенская стачка показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих».

Иван Михайлович Зверев был одним из тех рабочих.

Течет Талка... Помнит она Ивана Михайловича мальчишкой, помнит рабочим парнем, слесарем железнодорожных мастерских, помнит заба-

вщиком, молодым большевиком, депутатом первых Советов.

Приходил он сюда не раз и со своими учениками — много их, не сосчитать. По всей стране разъехались. Кто кем стал: и большие руководители есть, и ученые, и инженеры. Но чаще всего слесари. Как он сам. И в большинстве — коммунисты. В него пошли, в своего учителя.

В жизни Зверева сочетаются старые традиции прославленных русских мастеров и трудовая мораль нового человека. Можно научить ремеслу. Можно передать мастерство. Можно разжечь в молодом сердце огонь творчества. Но мастерство будет бесплодным, огонь будет холодным, если жизнь не будет наполнена любовью к Родине, ответственностью за каждый из ее будущих дней. Иван Михайлович вряд ли говорил такие слова своим ученикам. Просто так он работал, так и живет, понимая, что иначе и жить нельзя. Иначе не будет тебе уважения от рабочих людей.

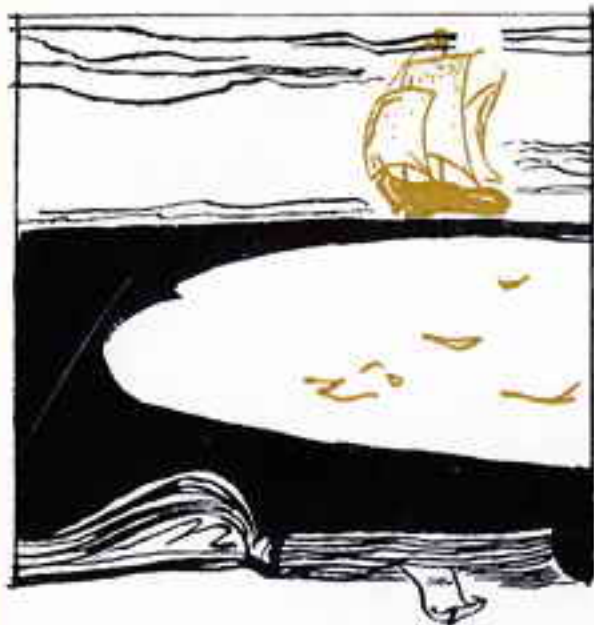
А молодые, перенимая у Ивана Михайловича его опыт, участь у него науке жизни, понимают, что таким, как он, может быть каждый. Единственным в своем роде.

Евгений СИНИЦЫН

Иваново
Фото А. Лидова

*На второй
звуковой странице
И. М. Зверев рассказывает
о пережитом и
незабываемом:*

- *Партийное поручение.*
- *Револьвер для Трифановича.*
- *Самое заветное.*

Евгений ЕВТУШЕНКО

Из новых стихов

ПАРУСА

Вот лежит перед морем девочка.
Рядом книга. На буквах песок.
А страничка под пальцем
не держится —
трепыхается, как парусок.
Море сдержанно камни ворочает,
их до берега не докатив.
Я надеюсь, что книга хорошая —
не какой-нибудь там детектив.
Я не вижу той книги названия —
ее край серделиком прижат,
но ведь автор — мой брат
по призванию
и, быть может, умерший мой брат.
И когда умирают писатели —
не торговцы словами с лотка, —
как ты чашу утрат ни подсахари,
эта чаша не будет сладка.
Но испей эту чашу, готовую
быть решающей чашей весов
в том сражении за души, которые,
может, только и ждут парусов.
Не люблю я красивых
надрывностей.
Причитать возле смерти не след.
Но из множества
несправедливостей
наибольшая все-таки смерть.
Я платочка к глазам
не прикладываю,
боль проглатываю свою,
если снова с повязкой проклятою
в карауле почетном стою.
С каждой смертью все меньше
мы молоды.
Сколько горьких утрат наяву
канцелярской булавкой приколото
прямо к коже, а не к рукаву...
Наше дело, как парус, тоненько
бьется, дышит и дарит свет,

но ни Яшина, ни Паустовского,
ни Михал Аркадьича нет.
И Чуковский. О, лучше бы издали
поклониться, но рядом я встал.
О, как вдруг на лице его выступило
то, что был он невысказанно стар.
Но он юно, изящно и весело
фехтовал до конца своих дней,
Айболит нашей русской

словесности,
с бармалействующими в ней.
Было легкое в нем, чуть богемное.
Но достойнее быть озорным,
даже легким, но добрым гением,
чем заносчивым гением злым.
И у гроба Корнея Ивановича
я увидел: вверху над толпой
он с огромного фото невянуще
улыбался над мертвым собой.
Сдвинув почку, как ему хочется,
улыбался он миру всему,
и всему благородному обществу,
и немножко себе самому.
И садились в ракеты взметенные,
лезли в микро- и макромир
его внуки двухсотмиллионные,
чьей азбукой был «Мойдодыр».
Будет много меняться и рушиться,
будут новые голоса,
но словесность великая русская
не свернет никогда паруса.

...Даже смерть от тебя отступается,
если кто-то из добрых людей
в добрый путь отплывает
под парусом
хоть каной-то странички твоей...

НЕ ВОЗГОРДИСЬ

Смири гордыню, то есть гордым
будь.
Штандарт — он и в чехле
не полиняет.
Не плачься, что тебя
не понимают —
поймет когда-нибудь хоть
кто-нибудь.
Не самоутверждайся. Пропадет,

подточенный тщеславием, твой
гений,
и жажда мелких самоутверждений
лишь и саморазрушенью приведет.
У славы и опалы есть одна
опасность — самолюбие щенокот.
Ты ордена не восприми, как
почесть,
не восприми плевки, как ордена.
Не ожидай подачек добрых дядь
и, вытравляя жадность, как заразу,
не рвись урвать. Кто хочет все
и сразу,
тот беден тем, что не умеет
ждать.
Пусть даже ни двора и ни кола,
не возвышайся тем, что ты унижен.
Будь при деньгах свободен,
словно нищий,
не будь без денег нищим никогда!
Завидовать? Что может быть
пошлей!
Успех другого не сочти обидой.
Уму чужому втайне не завидуй,
чужую глупость втайне пожалей.
Не оскорбляйся мнением любимым
в застолье, на суде неумолимом.
Не добивайся счастья быть
любимым —
умей любить, когда ты не любим.
Не превращай талант в козырный
туз.
Не козыри — ни честность,
ни отвага.
Кто щедростью кичится —
скрытый скряга.
Кто смелостью кичится —
скрытый трус.
Не возгордись ни тем, что ты
борец,
ни тем, что ты в борьбе
посередине,
и даже тем, что ты смирил
гордыню,
не возгордись, — тогда тебе конец.

Минутный разговор с Аркадием Севидовым и фрагмент си-минорной сонаты Листа вы услышите на девятой звуковой странице.

Запись по трансляции из Большого зала Консерватории во время четвертого Международного конкурса имени Чайковского.

Конкурсы, соревнования, состязания всякого свойства — и музыкальные в том числе — в 1970 году были, пожалуй, не менее популярны, нежели, скажем, в 970-м... И, должно быть, как и тысячу лет назад, кроме момента единоборства, соперничества, определения сильнейшего и совершеннейшего, есть еще одно, пожалуй, самое дорогое — мгновение открытия нового имени. Так минувшим летом московская публика открыла для себя Аркадия Севидова

...Жаркий июльский день. Четвертый Международный конкурс имени Чайковского в разгаре. В тесной трансляционной аппаратной Большого зала Консерватории

по-студенчески отрывистую, иногда с оттенком нарочитого примитивизма, но точную и гибкую, меняющуюся по интонации и темпу речь. Во-вторых, размышления были значительны по своей сути, по внутренним критериям. В бескомпромиссных оценках чужого исполнения ощущалась непримиримая требовательность к собственной игре и, пожалуй, даже отвага.

Да, именно отвага, помимо всего прочего, необходима для того, чтобы решительно взяться за масштабные сочинения, для того, чтобы рвануться к высотам напрямую, пока другие предпочитают пологую спираль. Иначе не поведешь

ПЕРВАЯ ПЛАСТИНКА

ДОГОВОРИТЬ, ДОСКАЗАТЬ...

меня знакомят с невысоким, очень худым юношей. Длинные прямые волосы, свешиваясь колоколом, закрывают лоб и оставляют открытыми серые черточки глубоко сидящих внимательных глаз.

Аркадий Севидов, отыграв «свой» второй конкурсный тур, пришел послушать бразильца Морейра-Лиму. Он немножко посидел, помолчал, передохнул что называется, а потом заговорил со знакомым оператором, объясняя, комментируя игру Лимы. И вдруг я услышал тихий, вполголоса репортаж из глубин си-минорной сонаты Листа.

Разговор во время музыки — вещь, как правило, невыносимая. Но в данном случае севидовское размышление не мешало, оно было для меня интересно. Во-первых, звуковым рисунком: я слышал

за собой публику в мрачные подземелья листовской сонаты (Севидов и сам играет ее), не выложишь грандиозную мозаику «Картинок с выставки» Мусоргского, можешь растеряться перед бесконечной сменой горизонтов в гигантской «Фантазии» Шумана.

Но вернемся к репортажу в аппаратной. Сто раз было сказано, что музыка выражает то, перед чем бессильно слово. Да и нуждаются ли в лексической изоциренности они, музыканты, хранители и истолкователи иного, необычного языка? И все же я вспоминал выразительную, насыщенную речь Аркадия Севидова и то, как он изредка повторял: «Во время игры все время стараюсь говорить...», «Как будто бы удалось сказать все, что хотел...». И мне показалось, что

Веселые трансформации, или несколько фокусов на одной звуковой странице.

в этой одареннейшей натуре речь музыкальная и обычная, разговорная, теснейшим образом переплетены, ибо в той и другой одновременно отразился музыкант и человек, которому есть что сказать.

В его исполнении многие найдут сокровенное для себя, многие почувствуют в севидовской игре родные импульсы. Потому что в ней не только его ум, чувство, характер, но и история его жизни. Она невелика, эта история (Сеvidову двадцать три года): самостоятельное, вопреки родительским советам, поступление в елецкую музыкальную школу, детское сочинительство «фантазий на целую нотную тетрадь», «крупнейшее столкновение с учительницей по ботанике в шестом классе», вольное студенческое бытие, в котором лишь на третьем курсе выяснилось, что осталось учиться два года, суровый отбор ценных исполнителей, коих в севидовском списке всего три: Микеланджели, Наседкин, Слободяник...

Казалось бы, что тут особенного? Но дело в том, что Сеvidов движется в Музыке, в наэлектризованной атмосфере звуковых страстей человеческих... Футбол во дворе, спор в деканате, две значительные страницы в книге — все это будничное, трижды обыденное, множится музыкантом на вахические финалы бетховенских концертов, на аргументы скрябинских поэм, на дождливые прелюдии Шопена или Дебюсси. И все в мгновение ока меняется, все приобретает иной свет, иной размах.

Где это происходит? Везде. За роялем, во сне, на улице, в коридоре, у окна, но главным образом во время бесценных — в полдня и в полвечера — уроков на оборинской кафедре с Борисом Яковлевичем Землянским, когда, как рассказывает Сеvidов, «он бьет-ся, я бьюсь; чувствую, что правда где-то рядом, но до нее еще идти и идти, и мы пробуем, пробуем вместе, пока не исчезнет зажим, не появится свобода в ощущении, пока не заговоришь...».

Артем ГАЛЬПЕРИН

Фото О. Макарова

ПРОСТЫЕ СЕКРЕТЫ ЭФФЕКТА

Дм. ИВАНОВ
Вл. ТРИФОНОВ

В руках звукоформиратора дождегром, рычание львов (верхний снимок), 1260 звуковых эффектов ныне воспроизводит одна машина, похожая внешне на пианино. Студия Дома звукозаписи (Москва).

Помните знаменитый почтовый рожек из «Приключений барона Мюнхгаузена»? Замерзшие в нем звуки стали оттаивать у огня, и рожек запел... Барон — отчаянный враль — все же невольно предсказал изобретение звукозаписи, которая до сих пор таит в себе немало загадочного.

ИНТЕРВЬЮ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Как-то в редакции, готовящей юмористические передачи, раздался телефонный звонок. Взволнованный мужской голос бурлил в трубке:

— Это возмутительно! Что вы передавали вчера утром? Интервью с поэтом С.? А мне точно известно, что С. уже две недели находится в Австралии с группой писателей. Может быть, ваши корреспонденты слетали за этим интервью в Австралию?.. Скажите, что за бездарный актер кривлялся вместо С.? И не пытайтесь никогда обманывать слушателей — не выйдет!.. Мы объяснили взволнованному слушателю, что, конечно, никто не летал в Австралию, что никакой

актер не имитировал голос известного поэта. Да и сам поэт мог бы поклясться, что его никто не интервьюировал. И все-таки в передаче звучал подлинный голос поэта.

А все довольно просто. Корреспонденты «Доброго утра», желая поздравить поэта С. с его днем рождения, пошли на маленькую хитрость, вполне допустимую в юмористической передаче. Они взяли в фонотеке стихи поэта С., записанные им самим в разное время, вырезали из этих записей нужные строчки и склеили их со своими вопросами, тоже записанными на пленку. Получилось забавное «несуществующее» интервью.

«РАСТРОЕНИЕ» ЛИЧНОСТИ

Письма пишут разные.

«Мы давно знаем и любим певицу Майю Кристалинскую. Расскажите, пожалуйста, о ее сестрах, которые теперь поют вместе с ней».

Вообще говоря, работники радио привыкли отвечать на самые неожиданные вопросы, вежливо разъясняя, что Муслим Магомаев

не двоюродный брат Рашида Бейбутова, что незаброшенная шайба не лежит на совести комментатора Николая Озерова и что артист В. Медведев в фильме «Евгений Онегин» снимался под чужую фонограмму, и потому в его исполнении невозможно услышать знаменитое «Вы мне писали»...

После проверки было установлено, что у Майи Кристалинской за последнее время не появилось ни поющих сестер, ни даже поющих однофамилиц. И все-таки авторы письма были не так уж далеки от истины. Однажды три Майи Кристалинских пели вместе. Пели лирическую песню из оперетты Т. Хренникова «Сто чертей и одна девушка». Несмотря на фантастическое название оперетты, мы имели дело здесь не с раздвоением личности или, вернее, не с «расстроением». Просто это был один из первых опытов многократного наложения голоса.

Большой оркестр, записавший сначала аккомпанемент, был отпущен. Певица, слушая фонограмму, записала самую сложную партию — третий голос. Затем второй

и первый. Наконец, все записи «свели» на одну пленку.

Теперь вы знаете этот маленький секрет и в случае необходимости объясните знакомым.

ВСЕ ЗВУКИ МИРА

В приключенческой повести было всего два действующих лица. Зато события ее разворачивались в африканских джунглях и в цехе ткацкой фабрики, на шумной улице и возле горного водопада, на птицеферме, в вагоне поезда и на южном пляже. По ходу дела герои должны были прыгать в море с двадцатиметрового утеса, разбивать хрустальную вазу, скакать на лошадях, разговаривать по телефону за тысячу километров друг от друга, петь под проливным дождем и аукаться в горах Тянь-Шаня. Неискушенному человеку могло показаться, что на такую сложную радиопостановку уйдет года два.

Режиссер пригласил на запись двух опытных актеров, которые отлично справились со своей работой за несколько часов. Два или

три дня режиссер занимался подбором и наложением необходимых шумов. Разумеется, он не взрывал в студии гранаты, не ложился между рельсами, чтобы записать на магнитофон стук колес, не отправлялся в далекие экспедиции на Черноморское побережье.

Режиссер прошел короткий и знакомый путь, путь каждого режиссера радио: студия — фонотека. Там он нашел необходимые шумы. И в результате меньше чем за неделю передача была сделана в точном соответствии со сценарием. Слушая ее, вы вряд ли представляете себе, что «голоса в горах», которых не оказалось в фонотеке, помог сделать специальный прибор — ревербератор, что «дожди и водопады» шумят в маленькой ванночке, а «телефонный разговор» идет при помощи обыкновенных стаканов.

Впрочем, и это уже пройденный этап. Сейчас у режиссера появился новый помощник: машина звуковых эффектов.

На нашей третьей звуковой странице демонстрируется несколько маленьких звуковых чудес.

Трудно даже приблизительно сказать, сколько новых песен сочиняется в мире за год. Тысячи? Десятки тысяч? Во всяком случае, очень много. И коль скоро есть такой (немаловажный!) вид человеческой деятельности, как сочинение и исполнение эстрадных песен, то в конце года вполне правомерно сделать обзор достижений и в этой области. Чтобы не захлебнуться в этом безбрежном песенном море, мы решили прибегнуть к помощи авторитетных жюри нескольких международных фестивалей.

На пятой звуковой странице читатели «Кругозора» услышат исполнителей, завоевавших золотые награды 1970 года.

Первый приз болгарского международного фестиваля «Золотой Орфей» получил уже известный певец Бисер Киров за исполнение песни Тончо Русева о дружбе.

«Золотой олень» — заветная награда международного конкурса и фестиваля легкой музыки в Брашове (Румыния). В нынешнем году сюда съехались певцы и певицы из 26 стран, они соревновались четыре дня. Помимо жюри и переполненного зала, их искусство судили миллионы любителей эстрадной песни многих европейских стран: конкурс и фестиваль транслировало Евровидение. Достался же «Золотой олень» певице голландского телевидения Терезе Штайнмец за песню румынского композитора Г. Мэлиняну «Ты девушку найдешь, а друга никогда».

Победу одержала и хорошо известная в нашей стране болгарская певица Лили Иванова. Она увезла первый приз за исполнение — «Золотую пластинку» — с III Олимпиады эстрадной песни в Афинах, победив соперников из 38 стран.

Итак, три «золотых» голоса года... Каждый из них, несомненно, доставит удовольствие слушателям. Весьма возможно, что любителей эстрады насторожит вот какое обстоятельство: три разных конкурса, три жюри, но послушайте звуковую страницу и убедитесь, как похожи между собой победители и манера их исполнения! Устоявшийся вкус, высокая требовательность к музыкальным данным — это прекрасно; но терпит ли эстрада однообразие?

Чтобы читатель и слушатель «Кругозора» мог сам сделать выводы, мы подобрали на шестой звуковой странице еще три песни с конкурсов нынешнего года. На этой оборотной стороне медали-пластинки звучат голоса певцов, завоевавших самые большие симпатии у зрителей.

На конкурсе «Золотой Орфей» специальным призом была награждена норвежская певица Анита Хегерланд, исполнившая песню болгарского композитора Б. Елезера «Птицы с синего юга». Певица предельно молода: ей восемь лет. Она соревновалась наряду со взрослыми, по той же программе.

На конкурсе «Золотой олень» премию популярности получил веселый ирландец Джо Долан.

На пятой и шестой звуковых страницах выступают победители международных конкурсов 1970 года.

СИМПА

И, наконец, песенка, которую сегодня можно уже услышать и на московских улицах, — «Духовые оркестры», премия популярности Сопотского фестиваля (ее поет польская певица Галина Куницка).

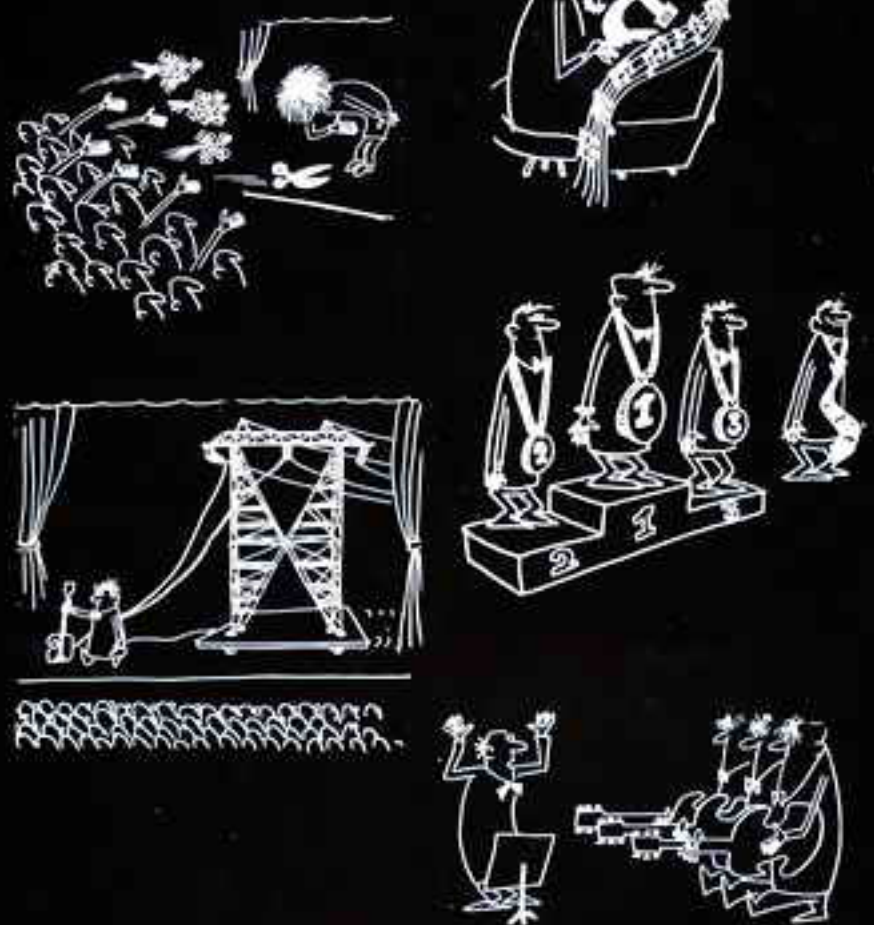
Специалисты-музыканты сразу отметят, что песенки «обратной» стороны попроще, здесь, скажут, меньше искусства, а порою и вкуса. Что ж, можно только мечтать о том времени, когда вкусы специалистов жюри и вкусы слушателей наконец совпадут, когда золотые премии и премии популярности будут получать одни и те же певцы, одни и те же песни... Быть может, для достижения этого единства обе стороны — специалисты и публика — должны сделать шаг навстречу друг другу?

И в заключение еще одно невеселое размышление. К сожалению, среди победителей нынешнего года мы не находим наших певцов. «Песенное золото» мира досталось не нам. Но когда проигрывают наши спортсмены, скажем, футболисты, общественное мнение бурно реагирует на поражение, газеты посвящают футболу большие и строгие статьи. А неуспех на эстрадах прошел как-то незамеченным. Правильно ли это? Ведь в прошлые годы советские певцы не раз выходили победителями в самых трудных конкурсах. Будем надеяться, что новый, 1971 год принесет гораздо больше удачи нашим певцам, что они сумеют завоевать и золото и популярность.

А. ПОЛЫХИН

Фото А. Лидова

Рисунки Е. Шабельника

Обладатель «Золотого Орфея» — Бисер Киров.

Т
О
Т
И
И

Слушайте восьмую
звуковую страницу

...Это он будет драть!
Да на него взглянуть
как следует,
он до конца жизни
заикой останется!..

...Надо,
чтобы они — дети —
домой на карачках
приползали,
чтобы у их сил
не хватало
на разные
художества...

...Дворники,
милиционеры, соседи,
пенсионеры...
а может,
лучше всего
родная мама...

Аркадий РАЙКИН

Монолог в пяти сценах

Из новой программы Ле-
нинградского театра ми-
ниатюр «Плюс—минус».

...Товарищи матери,
товарищи отцы,
братья,
как грится,
и сестры!..

Фото Л. Лазарева

ВЗРОСЛЫМ О ДЕТЯХ

...А что,
если их драсть?
Нас-то драли,
и ничего...

ДУШЕЧКА-70

Яков КОСТЮКОВСКИЙ и
Морис СЛОБОДСКОЙ —

авторы сценариев «Бриллиантовая рука» и «Кавказская пленница», фильмов, которые побили рекорд по количеству зрителей. Сейчас они закончили новую пьесу «Душечка-70», это трагикомическая история молодой женщины в четырех романах.

*Из научно-детективного романа
«Гиперболоид инженера Икс»*

Мороженщик (торгует перед жилым домом). Пломбир в брикетах, крем-брюле в стаканчиках...
Покупатель. У вас есть торт из мороженого?

Мороженщик. Кончились... Возьмите крем-брюле в стаканчике.

Покупатель. Нет. Дайте эскимо за 11 копеек. (Другим тоном, тихо). Докладывайте, товарищ старшина!

Мороженщик. Все нормально, товарищ младший лейтенант! В восемь тридцать товарищ Пустовалов уехал на работу.

Покупатель. И не один, а с Козловым. Точнее надо докладывать! Этот человек государству миллионов стоит. (Занимает место мороженщика).

Бывший мороженщик. До скорого! (Открывает боковую дверцу тележки-холодильника, командует собаке). Мухтар, ко мне!

Второй мороженщик. Пломбир в брикетах, крем-брюле...

Школьница (с мячом). Дяденька, у вас есть торт из мороженого?

Второй мороженщик (удивленно). Что?!

Школьница (строго). Я, по моему, по-русски спрашиваю: у вас есть торт из мороженого?

Второй мороженщик. Кончились. (Неуверенно). Может, возьмете крем-брюле в стаканчике?

Школьница. Дайте эскимо за 11 копеек.

Второй мороженщик (вытягивается по стойке «смирно»). Слушаю!

Школьница (тихо). Вольно! (Пожимая ему руку). Старший лейтенант Агафья Кристи!

Второй мороженщик (так же). Младший лейтенант Жорж Симонян.

Школьница. В его отсутствие квартирой никто не интересовался?

Второй мороженщик. В пятый подъезд никто не входил. Школьница. Продолжайте наблюдение и докладывайте! Я с радиостанцией (указывает на мяч) в сивере...

(На просцениуме появляется пожилая женщина с чемоданом).

Женщина. У вас есть торт из мороженого?

Второй мороженщик (уже ничему не удивляясь). Кончились.

Женщина. Скоро привезут? А то мне племяннице подарок.

Второй мороженщик (насторожился, услышав непредусмотренный текст). Возьмите крем-брюле в стаканчике.

Женщина. Ты соображаешь? Подарок в стаканчике... Я ж ей единственная тетка... Знаешь, как она меня любит! (Взглянув в записку). Скажи, 74-я квартира тут в каком подъезде?

Второй мороженщик (вздвогнув). Какая квартира? (Жадно выхватывает записку.) Дайте, я прочитаю... (Достает зажигалку, явно микрофотоаппарат, несколько раз щелкает, отодвигая записку на разные фокусные расстояния.) Пятый подъезд, второй этаж направо...

(Женщина уходит. Он достает из ящика эскимо, подносит ко рту и говорит, как в микрофон). Крем-сода! Крем-сода! Докладывает Пломбир... Передайте Квасу: в охраняемый объект направился человек... Якобы женщина... Прием!

(Занавес поднимается, и мы видим квартиру Пустовалова. Его жена Оленька беседует с приехавшей теткой).

Оленька. Ну, так зачем ты приехала в Москву? Будем и дальше волюнку тянуть?

Тетя Лена. Не понимаю.

Оленька. Вот ты говоришь, к врачам? А если начистоту?

Тетя Лена (смущенно). Ну, если начистоту, Оленька... Я еще рассчитывала, что ты мне поможешь дублинку купить...

Оленька. Скажи, а где остаются другие больные, у кого нет родственников в Москве?..

Тетя Лена (с настороженностью, готовой перейти в обиду). А что, у тебя нельзя?.. Квартира отдельная, две комнаты... Но я и на кухне могу... Где у тебя кухня?

Оленька (раздраженно). Тебе еще и план квартиры нарисовать?

Тетя Лена. Ничего мне рисовать не надо. Ты лучше скажи прямо, что у тебя для единственной тетки на одну неделю места нет.

Оленька. Подожди!.. Сядь! Как тебе лучше объяснить? (Неожиданно.) Я спою. Слушай внимательно!..

В эпоху войн, в эпоху кризисов, когда действительность сложна, у засекреченного физика

была красивая жена. Знакомства делала случайные, носила кольца и меха.

И к ней подсел брюнет отчаянный в шашлычной на ВДНХ.

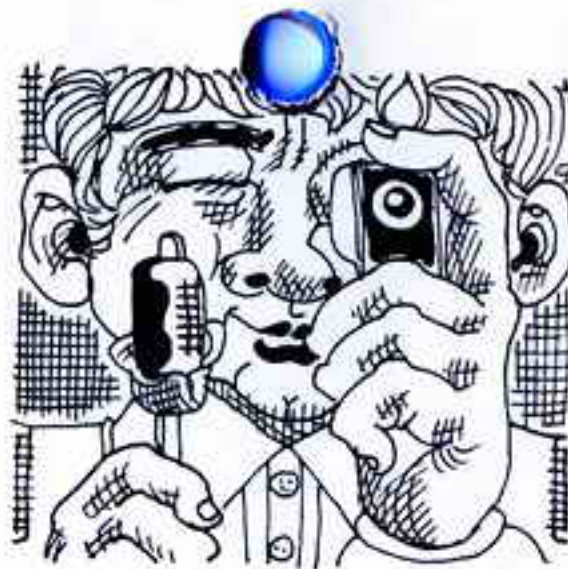
Сквозь брызги желтого шампанского и сивозь зернистую икру

Не разглядев американского агента сети ЦРУ,

Забыв инструкции и правила, она, не выяснив, кто он,

Ему и адрес свой оставила и свой домашний телефон.

Вот спит она в его объятиях, забывши, что не дремлет враг.

А он пришел к ней для изъятия секретных формул и бумаг. Он ищет план объекта энского, в постель заброшенный брюнет, ему не надо тела женского, а нужен атомный секрет. Но специальные товарищи, что все узнали про него,

Его застали в сейфе шарящим, причем совсем безо всего. «Теперь, — сказали даме, —

ясно вам, кто этот голый гражданин?»

И тут увидела несчастная, что не брюнет он, а блондин.

В эпоху войн, в эпоху кризисов, когда действительность сложна, у засекреченного физика

жена быть бдительной должна... Тетя Лена. Теперь понимаю.

С песнями выпроваживаешь... (Встает, сердито.) Пойду, пока ты плясать не начала.

Оленька (в отчаянии). Ну, хорошо. Раз уж ты художественных образов не понимаешь, я тебе прямо скажу... Только смотри — никому! И никогда! Ни за какие деньги... Ни под какими пытками...

Тетя Лена (посерьезнев). Может, я лучше все-таки пойду?

Оленька. Нет!.. Я уже решила... Иди сюда... Так вот, все дело в муже... (Шепотом.) Он научный работник...

Тетя Лена (также шепотом). Ну и что?

Оленька. В очень научном институте.

Тетя Лена. Ну и что?.. Я и сама — заведующая подъездом энского научного института. От бюро пропусков...

Оленька (радостно и громко: у нее камень с души свалился). Тетя, родная, дай я тебя поцелую!.. Раздевайся!..

Тетя Лена. Ну вот, объяснились наконец... А теперь давай поздороваемся!.. Муж хороший? Красивый?

Оленька. Как когда. Мне лично Васенька больше нравится с бородкой.

Тетя Лена. Так ты заставь его, чтоб всегда носил.

Оленька. Это от меня не зависит... Это и от него не зависит. (Значительно.) Такие вопросы решает не он.

Тетя Лена. Да кто он у тебя такой?.. Может, по этому делу? (И она выразительным жестом над головой показывает орбиту спутника.)

Оленька (шепотом). Не знаю, он мне никогда ничего не говорит. Вот только один раз... Я вошла и увидела, как он рассматривает в лупу большой голубоватый кристалл. Я спрашиваю: что это, Васенька?.. Да так, говорит, ничего...

А потом решил и добавил: это Оленька, пять последних лет моей жизни.

Тетя Лена (шепотом). Это кристалл для лазера.

Оленька. Может быть... Работает с утра до ночи... А иногда и ночью вскакивает, записывает какие-то цифры... А то вдруг звонок — и неожиданно уезжает... Только поцелует на прощание и скажет: «Смотри, Оленька, молчок!»

Тетя Лена (улыбаясь). Ах, все-таки поцелует?

Оленька. Он меня обожает... Я ему дома с английского перевожу... Все время разные тексты... Знаешь, как трудно? (Читает название статьи в журнале.) «Метод определения подлинности древних икон по периоду полураспада элементов»...

Тетя Лена. А он что, верующий?

Оленька. Нет, конечно. Это ему для работы нужно...

Тетя Лена. А это? (Указывает на висящую икону.)

Оленька. Это хобби.

Тетя Лена. Святой Хобби? Что-то я не слыхала.

Оленька. Да нет, хобби — это увлечение... Васенька очень любит старинные иконы... Вот эта, например, четырнадцатого века... Сейчас четырнадцатый век — это очень современно...

Тетя Лена. Ну, это, как в газетах пишут, мир интеллигентного человека. А как у вас насчет «В кругу семьи»? Дети скоро будут?

Оленька. При нашем положении это, к сожалению, невозможно.

Тетя Лена. Радиация?

Оленька. Нет... Просто ребенка могут украсть враги. Потом шантажировать... Но ничего, придет время, нас с Васенькой рассекретят, и все узнают...

(В коридоре слышен шум голосов.) Вот и Вася... Сейчас познакомитесь.

(Входят Василий Андреевич Пустовалов, милиционер, Жорж Симонян, уже не в куртке мороженщика, и еще один солидный мужчина. Оленька приветствует их.)

Милости просим!.. Садитесь, пожалуйста. (Тихо мужу.) Тютин, что ж ты не предупредил?

Солидный мужчина. Здравствуйте! (Осмотревшись). Ну, начнем, не теряя времени... Извините, я попрошу женщин выйти.

Оленька (с готовностью). Да, да, я понимаю... (Тихо тете.) Секретное совещание...

(Уходят.)

Солидный мужчина. Ну, Василий Андреевич, будем раска-

лываться или будем волынку тянуть?

Пустовалов. Я все показал, гражданин следователь... И все ценности сдаю сам...

(В комнату возвращаются Оленька и тетя Лена с фруктами.)

Оленька (деликатно). Мы всего на минутку... Вот, пожалуйста!

Следователь. Раз уж вошли, — оставайтесь.

Оленька (польщена). Большое спасибо! А это моя родная тетя... Вы можете быть в ней совершенно уверены.

Тетя Лена (тихо Оленьке). А зачем милиционер?

Оленька (тихо). Внутренняя охрана...

Следователь. Ольга Семеновна, скажите, муж вам никогда не рассказывал о своей деятельности?

Оленька. Что вы! О своей работе? Разве он не понимает?..

Следователь. Ну, а сами вы не догадывались?

Оленька. Честно говоря, догадывалась... Он ученый... На секретной работе... Естественно, в институте.

Следователь. Ну что ж, почти правильно... Работа у вашего мужа была действительно секретной. Он спекулировал иностранной валютой и ценностями. И причем так засекретился, что мы за ним уже целый год гоняемся...

Оленька. Вася, что здесь происходит?

Следователь. В общем, вашему мужу предстоит отвечать перед законом. Приготовьтесь к тому, что на длительный срок он будет изолирован от общества.

Оленька (соображая). Изолирован... (С неожиданной улыбкой подмигивает следователю). Все понятно!

Следователь. Почему это вас веселит? Ваш муж — преступник.

Оленька. Не беспокойтесь, я поняла... Вы его упрячете в тюрьму... (Снова подмигивает следователю.)

Пустовалов (взорвавшись). Дура!.. Я действительно валютчик!

Оленька (тихо). Тютин, не злись!.. Я все поняла. (Тете.) Блестящий ход!.. Длительная командировка... А официальная версия — арестованный валютчик... Для ЦРУ он в тюрьме недоступен...

Тетя Лена (резко и громко). При чем тут ЦРУ?.. По-моему, тут что-то родное... Скорее всего ОБХСС!..

Рисунки А. Брусилковского

*Говорят, что был когда-то
болван Коляда,
которого принимали за бога, и что будто оттого
пошли и колядки.
Кто его знает?
Не нам, простым людям, об этом толковать.*

Примечание Н. В. Гоголя
к «Ночи перед Рождеством».

10

ПЕСНИ СОЛНЕЧНОГО КРУГОСВЕТА

Солнце катилось, умываясь металлами, отражалось в речных половодьях, окутывалось пылью цветущих трав и хлебов, опускалось в горящие осенние рощи, и народ-земледелец славил светило.

«Уродилась коляда накануне Рождества...» Ряженые неслись по хрустким ночным снегам, окружали избу, гомонили под окнами, блеяли козой, ревели медведем, звякали бубном и бубенцами, величали «колядкой» хозяина с хозяйкой, их детей, стол, уставленный пирогами, блинами, ватрушками. Окутывались паром двери, и тароватые хозяева выносили снедь, сыпали колядующим дары в мешки и подолы. От избы к избе, от вечерней зари до дымных утренних звезд веселилось село. В толще зимы уже рождалось будущее движение хлебов, солнце вырывалось из тьмы, набирало яркость и высоту.

Под Новый год в полутемной избе, озаренной язычками лучин, собирались на гаданье девушки. Ставили посреди стола блюдо с водой, бросали в него звонкие кольца, накрывали шитым платком, пели. Новогодняя ночь сулила одним богатство, замужество, другим — вечное девичество, скорое вдовство, третьим — разлуку, дальнюю дорогу, смерть. Вынимали влажные кольца и тут же, при свете лучин, плакали и хохотали. Звучали «подблюдные песни», слушали их притихшие парни на улице, старики на печах, дети на полатах.

Масленица взрывалась блеском весенних льдов, конными игрищами. Дети катали липкие снежные шары, громоздили на огородах баб, врезали им морковные носы, угольные глаза. Посреди села на санях, окруженное толпой, двигалось чучело, в лентях, в мочальных косах, в колокольцах. Выкатывалось под песни, звоны и хохоты за село в поля, где под зимней коркой

начинался глубокий рост охлажденных зерен. Расхватывали чучело по частям, раскидывали пестрые клочки по межам. Гибло соломенное чучело, чтобы возродиться бурными всходами оттаявших озимей. И смерть его была радостна.

«Весна, весна, на чем пришла? На сошеньке, на боронушке, на молоденькой лошаденушке». Весна священная являлась будто не сама, — ее выкликали люди. Язычник верил, что ее приносит грач на своем иссиня-черном крыле, жаворонок в трелях. И румянились на столах «грачные масленые», ржаные «жаворонки». А песни-веснянки звучали над каждой крестьянской сохой. Шли хлебопашцы в поля, выводили земляные борозды с рассвета до вечерней звезды.

Летняя «купальская ночь» — «русалья». В березовые рощи, в луга тянулись девичьи хороводы. Сарафаны темнели от рос. Венки горели на косах, плыли по речкам и ручьям, и песни сплетались в венки. Парни таились под кручами, наблюдая девичьи купанья. Ночь озарялась кострами. Прыгали над огнем, жарили ляшню из ста лиц, целовались. Разбредались парами по туманам. «Купальская ночь» отзывалась под осень свадебными пирами.

Человек, чувствуя жизнь в каждом камне, в каждом прибрежном кусте, возводя эту жизнь к солнцу, ставя в зависимость от нее свое благополучие, здоровье, урожай нивы, славил эту жизнь в тысячах песен. Умерло язычество, но песенная красота его пробилась к нам сквозь века. Эти песни — часть древнейшего ритуала вместе с танцами, вышивками, народными приметами, приемами земледелия. Они волнуют нас и поныне, как волнует отзвук далекого детства.

А. ПРОХАНОВ

7

Кинорежиссер Эдмонд Кеосаян заканчивает работу над двумя сериями новых приключений «Неуловимых». Несколько вопросов режиссеру.

— Скажите, скоро ли можно будет увидеть фильм на экранах?

— Хочется, чтобы в зимние каникулы его уже смотрели.

— Много ли музыки в новом фильме?

— Да, музыки много... Песни, много песен! Их написал Ян Френкель. Такой, знаете, жестокий романс на стихи Роберта Рождественского поет Людмила Гурченко (в фильме — белоэмигрантская певица): «Ах, зачем меня назвали Верою?..» Володя Ивашов исполняет в фильме песню на стихи Есенина «Под окошком месяц...» (во второй серии он пел очень хорошую, ставшую популярной песню «Русское поле»).

— А не воскреснет ли в новом фильме Буба Касторский со своими куплетами? Зрителям было бы жаль с ним расставаться...

ЗАВТРА НА ЭКРАНАХ

НЕ-УЛОВИМЫЕ

- Нет, Бубы уже не будет. Его ведь убили.
- Но уж сам-то композитор появится в вашем фильме? Во второй серии он сыграл скрипача, аккомпанировавшего Бубе.
- Да, Ян Френкель очень колоритно играет и в новом фильме. Теперь он гарсон Луи из ресторана на Эйфелевой башне (действие частично происходит в Париже).
- И он опять будет со скрипкой?
- Нет-нет, он просто официант, а не официант-скрипач.
- Давно ли вы работаете с Френкелем?
- Третий фильм вместе. И, надеюсь, не последний.

А. ИВКИН

Ксанка, Валерка, Данька, Яшка — герои нового двухсерийного фильма о неуловимых. Центральный кадр: несостоявшаяся коронация в ресторане «Корнилов» в Париже.

Фото В. Мурашко

слушайте
в
номере

12 (81) декабрь 1970

1. Репортаж-70. «Путешествие за два звуковых барьера». Наш корреспондент — инженер-испытатель «ТУ-144» В. Бендеров.

2. Страница воспоминаний. Ивановский рабочий И. М. Зверев: «Пережитое, забываемое».

3. Детектив 6.30. «Чудо — это очень просто».

4. Пластинка поэта. Е. Евтушенко. «Идут белые снега». Читает автор.

5—6. Фестиваль фестивалей. Поют победители международных конкурсов: Тереза Штайнмец (Голландия), Бисер Киров, Лили Иванова (Болгария), Джо Долан (Ирландия), Анита Хегерланд (Норвегия), Галина Куницца (Польша).

7. Премьеры экрана. Песни Яна Френкеля из новой серии «Неуловимых».

8. Театр Кругозор. Новогодние маски Аркадия Райкина.

9. Новые имена. Пианист Аркадий Сеvidов. Фрагмент сонаты Листа си-минор.

10. Фольклорная экспедиция. Русскую народную колядку, подблюдную, масленичную, веснянку и купальскую песню представляет А. Проханов.

11. Редкая запись: Федерико Гарсиа Лорка — композитор. Испанские народные песни в его обработке: «Четыре погонщика мулов», «Кафе Чинитас», «Соронго». Поет Архентинита, аккомпанирует Гарсиа Лорка. Переводы П. Грушко.

12. Эстрада планеты. Хосе Хосе (Мексика). «От радости к печали», «Земля все-таки вертится», «Корабль забвения».

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

Год основания — 1964.

ИЗДАТЕЛЬ:
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СОВЕТА
МИНИСТРОВ СССР
ПО ТЕЛЕВИДИНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ

На первой странице
обложки
рисунок А. Тюрина
«Зима»

Режиссер
Н. П. Субботин
Художник
О. А. Кознов
Технический
редактор
Л. Е. Петрова

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции:
Москва, ул. академика
Королева, 12.
Телефоны редакции:
181-79-53, 181-79-48.

Сдано в набор 28/X
Б 05440.
Подп. к печ. 16/XI 1970 г.
Формат бум.
84×108^{1/16}.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 1,4.
Тираж 350 000 экз.
Зак. 2644. Цена 1 руб.

Ордена Ленина
типография
газеты
«Правда»
имени В. И. Ленина,
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Звуковые страницы
изготовлены Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы «Мелодия»
и Государственным
Домом радиовещания
и звукозаписи.

На одиннадцатой звуковой странице известная певица и танцовщица Архентинита (Энкарнасьон Лопес) поет испанские народные песни, записанные и обработанные Гарсиа Лоркой.
У рояля — Гарсиа Лорка.
Записи начала 30-х годов.

НАЧИНАЕТСЯ ПЛАЧ ГИТАРЫ

Почему ж ты, Испания,
в небо смотрела,
когда Гарсиа Лорку
увели для расстрела!
Андалузия знала,
и Валенсия знала,
что ж земля
под ногами убийц не стонала!
Что ж вы руки скрестили
и губы вы сжали,
Когда песню родную
на смерть провожали!!

Н. А сеев

Замечательный испанский поэт Гарсиа Лорка был расстрелян фашистами в Гранаде 19 августа 1936 года.

В 1916 году испанская пресса восторженно приветствовала Федерико Гарсиа Лорку — пианиста, выступившего с исполнением собственных сочинений.

В родной Гранаде Федерико знали как талантливого исполнителя Моцарта и Бетховена, Шопена и Шуберта, Дебюсси и Альбениса.

Безграничные горизонты музыки открыла Лорке творческая дружба с Мануэлем де Фальей. Взаимное восхищение — так можно определить отношения между композитором и поэтом.

«Мой дорогой сын» — этими словами начинал Фалье письма к Федерико. «Мазстро Фалье,—

говорил Лорка, — мой учитель. Он не только большой музыкант, он святой. Он преподавал мне великий урок скромности». Учителя и ученика объединяла влюбленность в народную музыку. А любить — значит действовать. Лорка принимает участие в осуществлении идей Фальи — записи старинных андалузских напевов канте хондо («глубинное пение»).

Так началась подготовка к конкурсу, состоявшемуся под открытым небом Альгамбры в Гранаде в 1922 году. Пешком обошел Федерико андалузские селения в поисках песен, и все, что он услышал, все, что дали ему встречи с народными певцами, — все это вылилось в стихи сборника «Канте Хондо». Одно из лучших стихотворений этого цикла — «Гитара».

Начинается плач гитары.
Разбивается чаша утра...

В Гранаде гитара — народный инструмент, умение владеть которым передается из поколения в поколение. Талантливым гитаристом был и Лорка. Вместе с Андресом Сеговией он участвовал в концертах, с Анхелесом Барриосом сопровождал танцы знаменитой Тамары Карсавиной. С гитарой Федерико мог не расставаться целыми днями. «Моя мать, — писал Лорка, — в отчаянии. И куда только она не прячет гитару». Он писал: «Когда умру — схороните меня с гитарой».

Из окон своего дома в Гранаде, обращенных к золотоносному Дарро, Федерико часто видел людей, которые, терпеливо промывая песок, отыскивали крупинки драгоценного металла. А разве не так и он отыскивал золотые россыпи народных напевов!.. В своих обработках, покоряющих простотой, Лорка стремился сохранить подлинность, первоначальную чистоту напева. «Песни — это дети, малые дети, о которых надо заботиться», — говорил поэт. Лорка гармонизовал народные мелодии и для своих пьес. Он поручал мелодиям «договаривать» то, что бессильно сделать слово. По словам Рафаэля Альберти, роль музыки в театре Лорки «подчас важнее, чем слово или интрига».

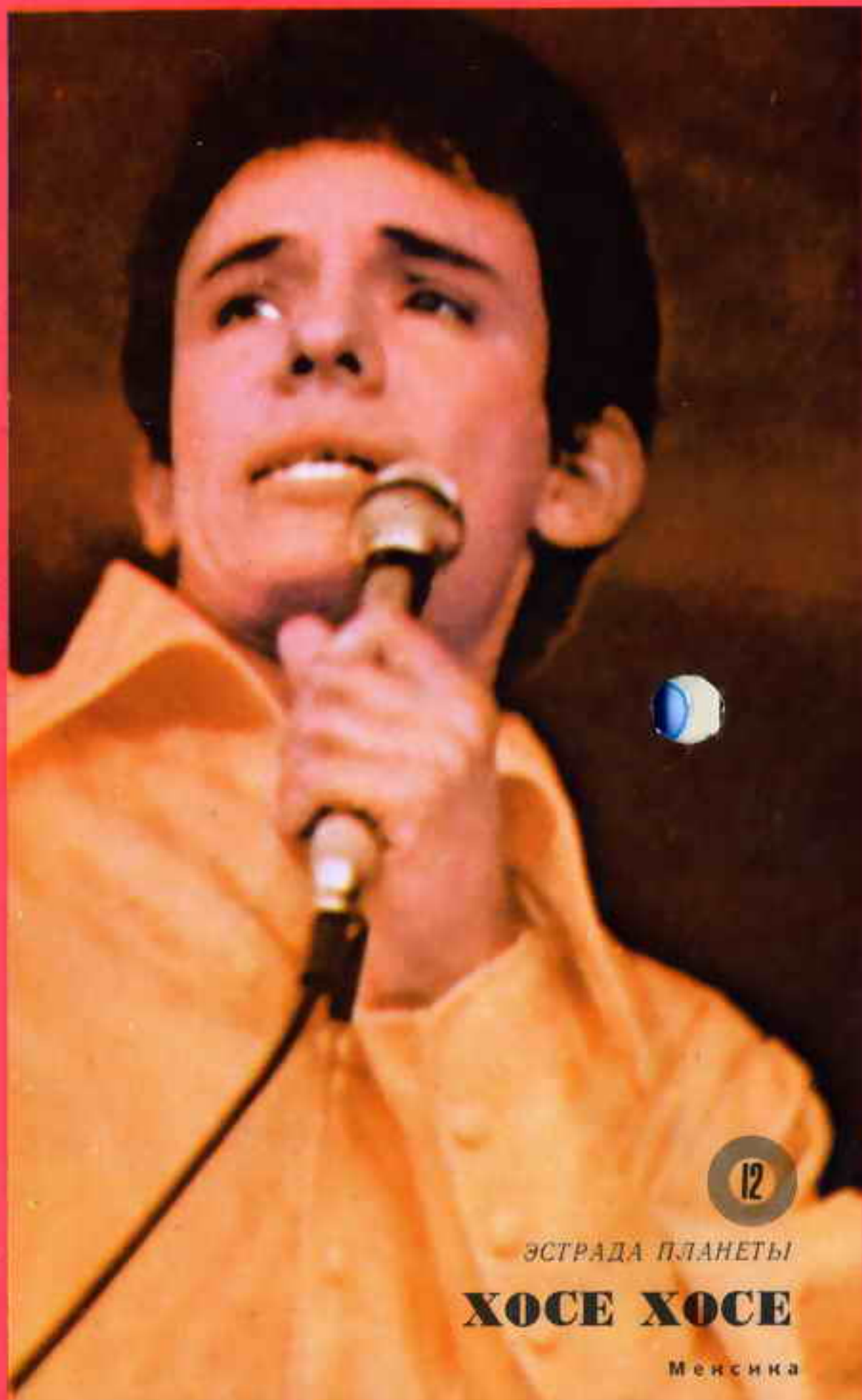
Гарсиа Лорка не стал музыкантом. Но в его стихах и пьесах звучит голос того искусства, которое он боготворил, — голос музыки.

«Музыка — моя религия», — признавался поэт.

М. ВАЙСБОРД,
кандидат искусствоведения

Рисунок
друга
Г. Лорки
Грегорио
Прието.

12

ЭСТРАДА ПЛАНЕТЫ

ХОСЕ ХОСЕ

Мексика

Судьба наделила Хосе Хосе всем: голосом, музыкальностью, обаятельной внешностью и — что тоже очень важно — удачливостью. Кого бы я ни спрашивал о лучшем певце Мексики: хозяина отеля, в котором мы жили, руководителя туристической компании, владельца ранчо, известного композитора, даже мальчишку — чистильщика ботинок, — все независимо от возраста и профессии называли одно и то же имя — Хосе Хосе.

Пластинки с записями Хосе Хосе выходят большими тиражами и, несмотря на высокую стоимость, раскупаются почти мгновенно. Еще недавно никому не известный 19-летний мексиканский парнишка затмил славу знаменитого Рафаэля.

Хосе стал популярен буквально в течение одного месяца. Секрет успеха Хосе Хосе прост. Черноволосый статный юноша поет о красоте южной ночи, о чистом сердце любимой, о радости любви и горечи одиночества. Он поет о том, что волнует молодых и старых.

И поэтому его любят и охотно слушают люди разных возрастов.

Ш. МЕЛИК-ПАШАЕВ

КОРАБЛЬ ЗАБВЕНИЯ

Музыка Дино Рамоса
Русский текст Игоря Федорина

Помедли!
Еще мгновенье
и отплывет корабль забвения.

Помедли!
Еще в надежде слабой вишю утошенья,
Всем счастьем прошлых дней моллю,
побудь мгновенье!

Помедли,
пока в ладонях бьется трепет
наших вёсен.

Помедли,
проходит все,
но вечен март и неба просинь.
Мы память о любви
сквозь жизнь свою проносим.

Припев (2 раза):
Не покидай меня,
только миг побудь!
Счастье уходит —
как мне его вернуть?

Помедли!
Еще ты здесь,
в сердце болью сжалось.

Помедли!
Могу любовь лишь дать
в обмен на жалость.
Бросаю жизнь к ногам,
чтоб только ты осталась.

Цена 1 руб.